

ИЛЛЯ
ЭРЕНБУРГ

ТРЕСТ Д. Е.

ИСТОРИЯ ГИБЕЛИ ЕВРОПЫ

**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

Тайный фронт

Илья Эренбург

**Трест Д. Е. История
гибели Европы**

«Алисторус»

1923

УДК 340.126
ББК 66.1std1-231

Эренбург И. Г.

Трест Д. Е. История гибели Европы / И. Г. Эренбург —
«Алисторус», 1923 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-396-2

Эта книга, написанная в Берлине 1922 года, стала пророчеством о грядущем европейском фашизме. Роман Ильи Эренбурга «Трест Д. А.» – это страшная и болезненно актуальная сейчас сатира о том, как деньги, скудоумие и гордыня могут уничтожить целую цивилизацию. Несмотря на то, что книга написана больше ста лет назад, она и сейчас остаётся актуальной, а в образах героев безошибочно узнаются портреты современных западных олигархов из Кремниевой долины, «правых» и «левых» политиков, идеологов «национального превосходства». Однажды Енс Боот – сын монашеского князя и простой голландки – получил отказ возлюбленной и вознамерился в качестве мести уничтожить всю европейскую цивилизацию. Убедив в необходимости этого американских банкиров и консервного короля Твайта, он создал трест Д.Е. и начал своё чёрное дело...

УДК 340.126
ББК 66.1std1-231

ISBN 978-5-00269-396-2

© Эренбург И. Г., 1923
© Алисторус, 1923

Содержание

1. Первый завтрак мистера Твайвта	6
2. Другие события того же исторического дня	10
3. Корень зла, или этнографическая любознательность принца Монакского	12
4. Дальнейшие последствия необдуманного поведения принца	13
5. Благодарю, я не танцую (о роли личности в истории)	16
6. Европа или мадемуазель Люси Фламенго?	18
7. Честь рода лордов Хэгов оскорблена!	20
8. Тяжелое расставание	22
9. Превосходная бритва за двадцать центов!	24
10. «Час изобретений»	28
11. В разумном предвидении свадебного путешествия	30
12. Но что «но»?	32
13. Небольшое аналитическое отступление	35
14. «Д. Е.»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Илья Эренбург
Трест Д. Е. История гибели Европы

Серия «Тайный фронт»

© Эренбург И. Г., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

1. Первый завтрак мистера Твайвта

Одиннадцатого апреля 1927 года в 9 часов 15 минут утра владелец крупнейшей фабрики консервов в Чикаго мистер Твайвт приступил к первому завтраку.

В отличие от других американцев, начинавших свой завтрак с яиц, мистер Твайвт всегда перед яйцами ел калифорнийские груши и сметану. В достопамятное утро, не отступая от этого обычая, он выбрал большой сочный плод и, обливая душистым соком салфетку, стал подсчитывать, выгодно ли скупить акции конкурирующего предприятия мистеров Черсов.

Он записал в крохотную книжицу:

«Свиней в час – 820, в день – 8200, в год – 2 492 800.

Баранов: 900 (×10) 9000 (× 304–2 736 000).

Быков: 460, 4600, 1 398 400.

Консервы: 31 000 000.

Колбасы: 2 000 000.

Кровь (сахаро-рафинадному, заводу Чойт): 700 000.

Кишки (колбасы, местное употр.)

Рога (фабрика гребней “Электра”): 1 200 000.

Пр. отбросы (приблиз.): 1 600 000».

После этого мистер Твайвт, вполне отчетливо выражая свои сомнения, промолвил:

– Гм...

Не выпуская из правой руки карандаша, он съел чашечку сметаны и на особом листке настольного блокнота, под красным заголовком «Сделать», записал:

«1. Выяснить, кому сбывают Черсы желудочные пузыри и на какую сумму».

Следует отметить, что подсчетом оборотов фирмы Черсов и поглощением калифорнийской груши со сметаной не ограничились первые четверть часа первого завтрака мистера Твайвта. Он успел сделать очередное гениальное открытие.

Все ученые, работавшие над биографией выдающегося организатора лучшей в мире фабрики мясных консервов, пришли к выводу, что в лице мистера Твайвта Америка потеряла блестящего философа, обогатившего научную мысль многими выступлениями в области зоопсихологии, антропософии и евгеники. Имя это, известное лишь немногим специалистам, изучающим историю гибели Европы, в то время, то есть с середины 20-х и до конца 30-х годов XX века, было столь же популярно в США, как имена фабриканта перьев Ватермана или классического боксера Джемписа. Три обстоятельства особенно способствовали славе мистера Твайвта.

I. Прочитав в газете, что человек ежегодно выделяет экскрементов:

твердых – 48,8 кг,

жидких – 438 кг,

стоимостью \$2,65, которые пропадают даром, и желая подать пример разумной экономии, он вошел в соглашение с загородным огородничеством, куда отправлялся ежедневно в автомобиле около 9 часов 30 минут утра, съев грушу и яйца. Об этом мужественном поведении мистера Твайвта писали газеты всех Штатов, от Аляски до Мексики.

II. В 1926 году мистер Твайвт, принимая серную ванну, продиктовал стенографистке небольшой, но весьма содержательный этюд по евгенике: «Наш нравственный долг, или размножайтесь отныне разумно». Изданный в виде брошюры с соответствующими иллюстрациями, он пользовался большим успехом. В штате Огио детям, окончившим с отличием начальную школу, выдавали в награду указанную книгу мистера Твайвта.

III. Лица, чуждавшиеся литературы, тем не менее знали имя мистера Твайвта ввиду его разносторонней деятельности. Стоило прохожему где-нибудь на 5-й Авеню, задумавшись,

взглянуть на небо, как перед ним вставала фиолетовая фотография молодой нежной свиньи, украшенной венком букв:

«Требуйте филе только Твайвта».

Итак, знаменитый мистер Твайвт, съев грушу и выяснив обороты Черсов, ошастливил мир новым открытием. А именно: вспомнив высококультурные развлечения вчерашнего дня – состязания пловцов и концерт миссис Айд, прославленного колоратурного сопрано, – он записал все в тот же вместительный блокнот:

«2. Доказать окончательно, что человек произошел от лягушки (открыл я. – Т.)».

Несмотря на всю глубину этой мысли, не она позволяет нам назвать 11 апреля 1927 года историческим днем.

События исключительной важности произошли несколько позднее. Первый завтрак мистера Твайвта продолжался. Лакей поднес куриное яйцо средней величины в серебряной чашечке.

Аккуратно сняв с макушки яйца скорлупу, мистер Твайвт вдруг вздрогнул: среди бесцветной слизи белка явно плавало кровавое пятнышко. Мистер Твайвт взволнованно отстранил яйцо: владелец фабрики мясных консервов, на которой ежедневно убивали не менее одиннадцати тысяч свиней и семисот восьмидесяти быков, был вегетарианцем, по заповеди господней милуя скотов и питаясь предпочтительно плодами, а также молочными продуктами. Увидев красное пятнышко, он серьезно задумался над вопросом: является ли недопущение рождения убийством и может ли последовательный вегетарианец употреблять в пищу яйца? Подумав минуту и взболтнув ложечкой прозрачный белок, мистер Твайвт твердо решил чашечку отстранить, а впредь, в полное отличие от всех американцев, ни за первым завтраком, ни за вторым, ни за обедом не есть яиц.

Но и не этому трогательному решению великодушного вегетарианца обязан день 11 апреля 1927 года своей славой. Убрав несъеденное яйцо, лакей подал мистеру Твайвту утреннюю почту: свыше тридцати писем. Мистер Твайвт отделил одиннадцать конвертов с европейскими марками и, не читая, бросил их в корзину. Он ненавидел Европу, не желающую покупать мясные консервы его фабрики и разумно размножаться. Быстро просмотрел он остальные письма, лишь одно, последнее, несколько привлекло его внимание. Вот что значилось на тонком, хрустящем листе:

«Х 32174 Трест по уничтожению Европы

Нью-Йорк 10 апреля 1927 года.

Мистеру Твайвту, Чикаго.

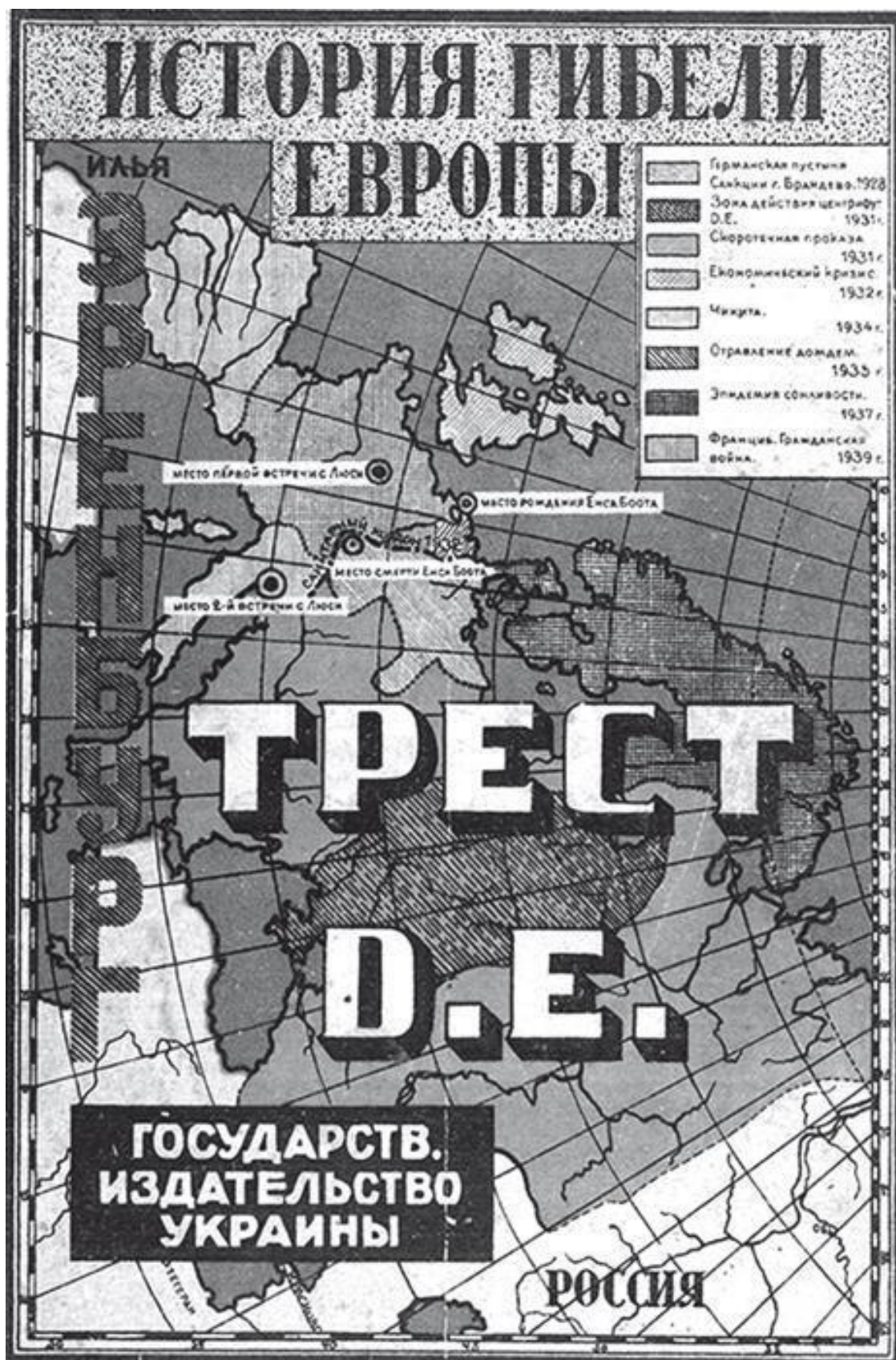
Милостивый государь! Настоящим извещаем Вас, что, согласно постановлению правления Треста от 4 апреля с. г., начиная с 11 апреля с. г. мы приступаем к осуществлению намеченного плана уничтожения Европы.

С совершенным почтением, директор Енс Боот».

– Очень хорошо, – сказал мистер Твайвт и сделал в блокноте пометку.

После этого он развернул «Чикагскую трибуну». Невольно его глаза остановились на хвосте четвертого столбца, где стояло слово «Европа», отныне вошедшее в его дела. Лениво проволочился он глазами по дюжине каблогграмм, сообщавших о различных войнах на Балканах, в Польше и в прирейнских государствах. Запомнились три мирные депеши.

«Женева. Председатель Лиги наций господин Б а р г о с, во время обеда в честь предстоящего вскоре 10-летнего юбилея этого учреждения, произнес речь, в которой указал на “блестящие успехи политики мира, гуманности и справедливости, несмотря на многочисленные осложнения”. Представитель Люксембурга уклонился от участия в торжестве. Выделялось сиреневое платье г-жи Трендэди, супруги вице-президента, модели Лебэна (Париж, 2 рю де ля Пэ). Меню: закуска ассорти, суп из черепахи, соль а-ля гренадин, филе де ля пэ, спаржа соус Ламберон, пломбир фиорд».

Первое издание книги «Трест Д. Е.»

«Копенгаген. Институт высшей статистики отмечает, что потеря живого материала за период 1924–1926 гг. превосходит итоги жертв последней общей войны 1914–1918 гг. Как известно, четырехлетняя война обошлась Европе:

- убитых – 10 200 000,
- уменьшение рождаемости – 20 850 000,
- увеличение смертности – 6 700 000.

Итого: 36 750 000.

За три года (1924–1926) отмечено:

- убитых (национ. и гражд. войны) – 9 600 000,
- уменьшение рожд. (по сравн. с 1913 г.) – 18 000 000,
- увеличение смертности, голод, масс, эпидемии и пр.) – 28 000 000.

Итого: 55 600 000».

«Венеция. Опровергаются слухи о смерти Габриеля д'Аннунцио.

Маститый поэт бодр и недавно закончил новую оду в честь присоединения Македонии. В скором времени он предполагает уехать на неделю в б. Грецию. Возможно участие поэта в спортивных празднествах (катание с Олимпа на аэросалазках и пр.). «Общество памяти Данте» преподнесло ему по сему случаю зеленые замшевые бриджи и рукавицы в форме лиры».

Прочитав телеграммы, мистер Твайвт взглянул на стену, где среди различных планов и схем висела большая карта двух полушарий. Некогда прелестная дочь финикийского царя, ныне жалкая блудница, – Европа принимала обычную ванну. Мистер Твайвт щелкнул ее в лоб, так что указательный палец больно ударил по Мадриду. Заключив этим свой первый завтрак, он, как и каждый день, отправился в огородничество. На столе остался блокнот.

«1 апреля 1927 года сделать:

1. Выяснить, кому сбывают Черсы желудочные пузыри и на какую сумму.
2. Доказать окончательно, что человек произошел от лягушки (открыл я. – Т.).
3. Уничтожить Европу».

2. Другие события того же исторического дня

В то же утро такие же письма с печатью «Треста Д. Е.» и за подписью Енса Боота получили два других члена правления: мистеры Джебс и Хардайль.

Мистер Джебс вкушал свой первый завтрак, точнее, яичницу с ветчиной (он не был вегетарианцем).

Мистер Хардайль, отстранив поднос с кофе, пил содовую воду (накануне он пил коктейли в чрезмерно большом количестве).

Прочитав письма, они одобрили исполнительность Енса Боота.

Мистер Джебс от удовольствия зажмурился и погрыз толстейшую сигару, забыв даже закурить ее.

Мистер Хардайль письмом пощекотал лежавшую у его ног миловидную яваночку.

Мистер Джебс находился в Питтсбурге, а мистер Хардайль – в Бостоне.

Они закончили первый завтрак. Ванна, которую в это время принимала Европа, скорее может быть названа вечерней. В Берлине пыльные часы на вокзале Фридрихштрассе показывали 5 часов 58 минут. Под часами стояла седая простоволосая женщина и выкрикивала: «Беуер!» Никто не покупал газеты, в которой сообщалось о юбилее Лиги наций, о шестнадцати войнах и о замшевых бриджах Габриеля д'Аннунцио. Женщина кричала все тише и тише, наконец она вовсе замолкла. Тогда к ней подбежал элегантный юноша в оранжевых перчатках с помпонами и, вырвав из ее рук газетный лист, протянул взамен мелкую стотысячную марку. Женщина не взяла ее, да и не могла взять, так как в 5 часов 59 минут она умерла, обнаружив при этом редкую выдержку. Но вместо того, чтобы преклониться перед образом других событий того же исторического дня женщины, сумевшей стоя умереть, юноша спеша распластал газету и замер над отделом:

«Биржа

10 апреля 11 апреля.

Доллар – 60 800 000 54 000 000.

Франк фр. – 3 210 000 2 970 000.

Талер. – 89 000 81 000.

Рубль. – 450 415».

– Бог ты мой! – простонал он и опустился на мостовую.

Из его застекленного моноклем правого глаза, голубого, как небо юга, потекла широкая струя слез на пыльный тротуар загаженного полуразрушенного Берлина.

– Бог ты мой! – проворчал городской врач, тщетно пытаясь найти несуществующий пульс молчаливой продавщицы. – Ни углеводов, ни жиров, ни белка – сто восьмой случай за сегодняшний день.

– Бог ты мой! – пролепетала подруга юноши, фрейлейн Мицци. – Сегодня «черная среда». Девяносто четыре разорились, шесть покончили самоубийством, а Отто разбил монокль.

Все это было в порядке вещей. Не только в Берлине, но и во всей Европе не происходило ничего любопытного. В Бергене (5 ч 18 мин) рыбак Христенс, сняв обувь, выносил на берег склизкую камбалу. Американка наставила на него «Кодак» и улыбнулась. Камбалу, впрочем, никто не купил.

В Париже (5 ч 07 мин) закрывались банки. Мосье Виоль вышел из «Лионского кредита», помахал тросточкой, оправил кончик платочка в верхнем карманчике и стал ждать автобуса.

Когда он садился, у него украли платочек. Мосье Виоль выругал правительство и потерял аппетит.

В Генуе (5 ч 47 мин) причалил пароход «Цезарь». Девка Пирета показала матросу-американцу на свою юбку и на кошелек. Матрос понял и пошел с ней за угол. Пирета боялась малярии и носила от заразы на шее ожерелье из чесночных луковиц. Матросу не понравился запах, и он ничего не заплатил.

В Козлове (7 ч 42 мин) в комиссариате Ваня Глобов допрашивал воришку, стащившего у заезжего директора «Лесного треста» черепаховую лорнетку. Глобову было скучно. Воришка каялся, а милицейский, ругаясь, время от времени прикладывался к его задку казенным сапогом. За стеной дочь комиссара разучивала революционные мелодии. Глобов вынул из кармана фотографии Сони Зайкиной и Карла Маркса. Соня ему изменила. Маркс давно умер. Ваня зевнул и лег на диван.

Так жила в этот роковой час дряхлая Европа. Еще кого-то чествовали в Лиссабоне и расстреливали в Будапеште. Там, где не было ни речей, ни выстрелов, слышались храп, тиканье часов, пьяная икота и урчание голодных желудков. По-обычному шумели моря – южные, со спрутами и причудливыми раковинами, западные, с профессорски важными омарами, и северные, кишевшие серебром сельдей.

В горах, там, где покоилась пята ленивицы, стоял, как всегда, столб. По предписанию местного исполкома его покрасили заново, и надпись предупредительно сообщала: «Европа – Азия».

На столбе сидел воробей.

Абсолютно никто не думал ни о столбе, ни о морях, ни о судьбах Европы. Только далеко, в ином полушарии, где часы показывали 9 часов 30 минут, где было утро и шла работа, директор тайного «Треста Д. Е.», Енс Боот, склонившись над картой Европы, давал решительные директивы восемнадцати тысячам шестистам семидесяти агентам треста, находившимся во всех странах Европы.

3. Корень зла, или этнографическая любознательность принца Монакского

Принц Монакский, владетель одного из самых крохотных государств Европы (поверхность 1,5 кв. км, население 24 600 душ), по данным историков, отличался редкой любознательностью.

Все время, свободное от изучения рулетки, он отдавал путешествиям. Именно этим наклонностям вдумчивого монарха обязана Европа своей гибелью.

Весной 1892 года принц направился в Голландию. Он провел три дня в Гааге и, увидав картину Яна Мааса, изображавшую медный таз XVII века, прослезился от нестерпимой красоты. В Гудде он приобрел трубку, в Гаарлеме – луковицу тюльпана, а в Лейдене – молодого пророка. Принц вел дневник, который, к счастью, сохранился и дает яркую характеристику жизни этого края Европы в конце XIX века.

Восемнадцатого июня принц на небольшой яхте выехал из северного городка Хелдера и около двух часов пополудни причалил к плоскому берегу острова Тессела, немногочисленное население которого занималось, как удалось недавно установить мистеру Бервею, собиранием яиц морских птиц.

Проходя мимо небольшого домика, принц увидел несколько красных голов голландского сыра. Думая в это время о милой его сердцу рулетке, он кинул одну из голов, воскликнув: «Ставки принимаются», – он машинально повторил слова крупье.

Из домика вышла кротколиция голландка в крахмальном чепце, подняла укатившийся далеко сыр и, ни слова не говоря, скрылась. Принц по рассеянности пошел за ней в домик, где и оставался в течение четырех минут, в полном инкогнито, без всякой свиты. Выходя, он задумчиво повторил: «Ставки сделаны».

Даже догадливые соседки не смогли подумать ничего дурного: во-первых, принц пробыл в доме не более четырех минут; во-вторых, чепец голландки остался совершенно несмятым.

Принц записал в своем дневнике:

«18 июня. Остров Тессел (4° долготы, 53° широты). Птичьи яйца. Сыр. Население приветливое. Углы чепцов должны пребольно колоть щеки мужчин. Впрочем, ставки сделаны!..» Догадливые соседки на этот раз все же о многом не догадались: именно 18 марта 1893 года у кротколицей голландки, снявшей по этому случаю крахмальный чепец, родился сын Енс Боот.

От августейшего отца он унаследовал высокую страсть к крупной игре, немало помогавшую ему впоследствии в деле уничтожения пятой части света. С молоком матери впитал он любовь к хорошему молоку и поэтому в годы войн и революций никогда не расставался с банкой конденсированного молока, приготовленного в Миддельбурге.

4. Дальнейшие последствия необдуманного поведения принца

О первых годах жизни Енса Боота ничего не известно, кроме того, что в 1897 году он проглотил ус лангуста, чем причинил немало забот горячо любившей его матушке.

В 1901 году мы находим талантливого мальчика в Брюсселе в соборе святой Гудулы. Он подает иерею кадилъницу, серебряным херувимским голоском подпевает «аминь» и тешит взоры Саваофа белизной своих кружевных халатиков. Но страсть к прогрессу препятствует его духовной карьере.

28 марта 1902 года он появляется в алтаре в фиолетовой сутане епископа, под которой, ввиду ее чрезмерной поместительности, кроме Енса, находятся друг детства, чистильщик сапог Жако, и семь воробьев. Товарищи по играм исполняют с помощью двух кадилъниц и одной сковородки торжественный марш, на много лет предвосхищая изобретение джаза.

Находчивого Енса отвезли в детский приют святого Франциска, где шесть монахинь, обливаясь слезами и повторяя молитвы святой Терезе, начали отделять розовые ушки и беленькие волосики Енса от его головы, а пришедший им на подмогу отец Бенедикт сучковатыми пальцами приступил к размягчению грешной плоти.

Молодой Илья Эренбург

Отец Бенедикт поработал столь усердно, что тело Енса стало легко складываться в четыре, в восемь и даже в шестнадцать раз. Это определило его дальнейшие шаги, и в 1904 году

он стал гордостью парижского цирка братьев Медрано. Но собственная исключительность в те годы не могла удовлетворить идеалистически настроенного отрока. Поэтому 16 октября 1906 года он попытался сложить одного из братьев Медрано, а именно – толстяка Гастона, хотя бы в два раза. Это не дало никаких положительных результатов, лишь печально отразившись на манишке Гастона, на только что скушанном им бифштексе и на самом Енсе, который два дня спустя отбыл в качестве поваренка на пароходе «Гамбетта» в дальнейшее плавание. Увидев берега Америки, молодой Енс Боот, которому было тогда четырнадцать лет от роду, обрадовался: жизнь в Европе, начиная от проглоченного уса лангуста и кончая сломанной манишкой добряка Гастона, уже слегка угнетала его. Однако будучи еще чрезвычайно молодым, он не смог принять какое-либо решение и вскоре вернулся в Европу, где в течение трех лет занимался различными делами: учился в среднеучебном заведении, служил младшим цирюльником в Бухаресте, подбирал окурки сигар и выступал в роли факира, публично глотая горящие газеты.

В 1910 году, 3 июля, мисс Жопл, сидя под большим зонтиком на набережной Канн, вдохновенной кистью передавала пену Средиземного моря, невесомую, как пух вылинявших серафимов. К ее величайшему удивлению, из пены появилась пенорожденная Андиомена, которая при ближайшем рассмотрении оказалась пенорожденным, точнее, Енсом Боотом, пытавшимся скрыться от невыносимого зноя в морских глубинах. Судя по сохранившимся портретам, Енс Боот отличался редкой красотой. Не мудрено, что час спустя он совместно с мисс Жопл пил цейлонский чай, приглашенный ею на должность штатного натурщика.

Мисс Жопл было пятьдесят восемь лет. Ощущение божественной красоты совершенно лишало ее возможности спокойно водить кистью по полотну. Но это художественное бездействие не мешало работоспособности Енса. Прожив год с мисс Жопл, Енс нашел свою миссию законченной и, прекратив с помощью некоторых химических препаратов жизнь даровитой художницы, оказался владельцем виллы на Ривьере, свиней в Йоркшире и гиней в «Английском банке».

Но Енс Боот находился в это время не в Йоркшире, а в Ницце, то есть всего в восемнадцати километрах от Монте-Карло, и, оплакав мисс Жопл, он направился в это гостеприимное место.

– Восемнадцать! – закричал Енс, бросая на стол прозрачные символы виллы на Ривьере.
– Одиннадцать, – вежливо ответил крупье.
– Восемнадцать! – повторил упорно Енс, выгоняя всех свиней Йоркшира.
– Тридцать четыре, – робко возразил крупье.
– Восемнадцать! – и Енс кинул все свои гиней, предусмотрительно разменянные на франки.

– Ноль, – раздался соболезнущий шепот крупье. Енс Боот вышел из казино нищим, но утешенным мыслью, что он подарил своему отцу, монахскому принцу, всего-навсего двести пятьдесят тысяч фунтов, в то время как получил от него неоценимый дар – жизнь.

Не унывая, Енс Боот обрел новое ремесло. Он подражал танцевать танго и бостон с различными дамами в возрасте свыше сорока лет. Регулярно от пяти до семи он прижимал к себе дряблые животы, обтянутые в шелк или в бархат. Дамы весили от восьмидесяти до ста килограммов каждая, и Енс, танцуя, потел, подтверждая этим достоверность божьего проклятия. Енс танцевал хорошо, и, откровенно говоря, ему часто хотелось пригласить какую-либо молодую женщину. Но это было строго запрещено синдикатом одиннадцати почтенных дам, владевшим ногами Енса.

Так продолжалось до 14 января 1914 года, когда случилось нечто катастрофическое и в сильной мере ускорившее гибель Европы.

5. Благодарю, я не танцую (о роли личности в истории)

В вульгарном представлении многих американцев или африканцев главной виновницей гибели Европы является коварная и бездушная мадемуазель Люси Фламенго. Стоит ли опровергать подобные заблуждения? Каковы бы ни были умственные и душевные способности названной особы, не они, конечно, обратили огромный материк в пустыню. До встречи с ней Енс Боот, испытав в течение двадцати одного года своей бурной жизни многое, успел возненавидеть европейскую цивилизацию.

Более того, не будь Енса Боота, Европа все равно погибла бы.

«Метрополис» (1927).

Фильм, сильно повлиявший на Эренбурга

Война 1914–1918 годов, экономический и духовный развал последующего десятилетия являются яркими показателями катастрофического состояния, в котором она находилась еще до создания знаменитого треста. Но, конечно, деятельность Енса Боота ускорила события на несколько столетий, а встреча с мадемуазель Люси Фламенго, в свою очередь, привела великого авантюриста к важнейшим решениям. Встреча эта состоялась, как было уже сказано, 14 января 1914 года в 5 часов 30 минут пополудни, в Париже, в учреждении, именовавшемся «Ти стар». Енс Боот, как всегда, танцевал с одиннадцатью дамами синдиката. Но в указанный час он заметил молодую женщину необычайной красоты с рыжей челкой на матовом лице. Пренебрегая расчетом и традицией, Енс Боот подошел к красавице, которая, окончив танцевать с молодым дипломатом, пила чай, и церемонно поклонился.

– Благодарю, я не танцую, – ответила презрительно незнакомка, чуть взмахнув рыжей челкой, и откусила острыми зубками миндальное пирожное.

Енс Боот, проделав еще раз церемонный поклон, отошел.

А красавица, оказавшаяся семнадцатилетней дочерью владельца тридцати устричных парков и шести шелкопрядельных фабрик, уже танцевала с другим. Дамы из синдиката, навалившись на Енса одиннадцатью животами, бранили его за нарушение контракта. Енс вышел. Он знал, что он влюблен. Знал также, что мадемуазель Люси Фламенго не захотела танцевать с нищим наемным танцором.

Остановившись у витрины паровой компании «Кунэр Лайн», он взглянул на карту Европы. Окруженная многими морями, дочь финикийского царя все еще нежилась.

«Великолепный континент! – подумал Енс Боот. – Но все здесь так устроено, что нельзя жить... Может быть, уехать в Африку?.. Там песок и небо...» Он уже был готов приоткрыть дверь паровой компании, но, обернувшись, машинально купил вечернюю газету и стал спокойно читать ее.

Великие идеи, чтобы созреть, нуждаются во времени.

6. Европа или мадемуазель Люси Фламенго?

Этот факт, то есть чтение вечерней газеты, не являлся исключительным. Напротив, Енс Боот ежедневно покупал «Энтрансижан». Купив ее однажды, а именно 2 августа 1914 года, он узнал, что различные европейские государства объявили друг другу войну. Надо сказать, что Енс Боот был человеком без национальности. Он полагал, что паспорт надо менять, переезжая из одной страны в другую, как костюм. Быть голландцем в Италии ему казалось столь же нелепым, как ходить по улицам Неаполя в меховой куртке. Наряду с коллекцией галстуков он возил с собой в изящном футляре из светлой свиной кожи полный комплект паспортов. Говорил он изумительно на восьми языках, а в интимных беседах, когда его спрашивали, какой он национальности, отвечал без всякой иронии – «европеец». Так как объявление войны застало его в Париже, он оказался французом и был тотчас мобилизован. В течение трех лет жизнь Енса Боота носила скучный и монотонный характер, ничем не отличаясь от жизни миллионов других европейцев того времени. Приставленный к батарее 305-миллиметровых орудий, он уничтожал незримых врагов и глотал холодный суп, поросший коркой жира.

Только раз достаточно банальное зрелище взволновало его.

С вершины холмика Енс Боот взглянул на долину реки Соммы. Перед ним была голая, обезображенная земля. Енс вздрогнул, как вздрагивают любовники, увидав лицо молодой женщины, в минуту усталости принявшее старческий характер. И так как Енс когда-то в среднеучебном заведении изучал мифологию, он с неподдельной горечью сказал своему соседу, капралу Мишо:

– Бедная финикийская царица!..

Но Мишо не понял Енса и неопределенно хмыкнул.

Три года Енс Боот делал то же, что делали и другие, но, зная его последующие героические поступки, можно легко допустить, что голова его была заполнена далеко не банальными мыслями.

Весной 1917 года, спрятавшись в трюме транспорта, Енс Боот переплыл в Архангельск. В октябре того же года мы видим его в Москве наводящим орудия на Кремль. Высчитывая прицел, Енс бормотал:

– Попробуем! Может быть, это еще поправимо...

Енс Боот честно и стойко пытался многое исправить. Он руководил операциями по ликвидации различных консульств в Москве, дрался с французами под Одессой, и в течение четырех лет его сердце при биении ударялось о твердую книжицу, которая была не чем иным, как партийным билетом РКП. Но в 1921 году, узнав о начале НЭПа, Енс Боот, который был не политиком, а всего-навсего честным авантюристом, освободил свое сердце, отослав билет секретарю райкома, застрелил на прощанье трех председателей трестов, четырех председателей биржевых комитетов и одного директора банка, вынул из кожаного футляра нужный документ и уехал в буржуазные страны. Енс Боот предпочел вместо новой экономической политики заняться древней спекуляцией. Он покупал и продавал различные товары; акции рудников, доллары, караты красавиц, сердца министров и даже некоторые спорные города, как-то: Фиуме, Мемель, Черновицы, Вильно и другие.

К 1925 году он невероятно разбогател, оставив далеко позади себя Ротшильдов, Стинеса, Лушера и других владельцев как индустриального, так и банковского капиталов Европы. Но богатство мало развлекало Енса Боота, обладавшего скромными привычками мелкого приказчика.

Единственным утешением меланхолического миллиардера являлись путешествия. Руководимый неким тайным инстинктом, он не покидал Европы, но целыми месяцами колесил по

ней в различных экспрессах. Он ездил от моря до моря, от яблонь Нормандии до жасмина Золотого Рога, от низкорослых елей Лапландии до апельсиновых рощ Мессины.

Сквозь запотевшее стекло спального вагона над прозрачной долиной горел закат. Да, рыжая челка была прекрасна на матовом лице похищенной финикиянки! И когда ночь покрывала мир, когда в коробке купе, пролетавшей от моря до моря, одиноко бился электрический месяц, Енс Боот, бывший гастролер цирка Медрано, бывший красноармеец армии Буденного, ныне миллиардер в лиловой пижаме, любил страстно и дико Европу.

Да, не родину, не вселенную, но часть света, нежную беглянку, вожделенную мадемуазель Люси Фламенго! (Следует добавить, что ночью Енс Боот никогда не глядел в зеркало сам на себя.) Днем же он видел все: рабов в своих шахтах, депутатов, профессоров, проституток и многое иное. Видел также в зеркале одутловатое, заспанное лицо. И днем Енс Боот Европу ненавидел, вынашивая ненависть, как младенца, глубоко под фланелью жилета. На любом вокзале мира, будь то Торнео или Палермо, высываясь из окна, он слышал мерзкий запах гнили, как будто на него дышала старуха с черными гнилыми зубами. Это пахла Европа. И Енс Боот понимал, что Европа стара, мерзка, что ее можно любить лишь в темноте, не раскрывая глаз и не дотрагиваясь пальцами до ее шершавой кожи.

Енс Боот не был ни философом, ни политиком. Поэтому он не писал книг о закате старого мира и не заседал на конгрессах Коминтерна. Вероятно, этот человек был рожден для первобытной жизни. Его мать, несмотря на крахмальный чепчик, была мало приобщена к сокровищнице европейской культуры.

На пустынном острове она собирала яйца диких птиц. От отца Енс воспринял, как уже было указано, только страсть к азартным играм. Если бы Енс Боот уехал девятнадцати лет в Африку, он нашел бы там применение своим наклонностям: собирал бы яйца страусов, которые, вопреки молве, весьма питательны, и охотился бы на царей пустыни – львов, что, в общем, мало чем отличается от рулетки. Но в Европе 20-х годов XX века, дряхлой и блудливой, ему нечего было делать.

Проезжая как-то мимо Эдинбурга, он вздумал жениться.

Это было в мае 1926 года.

7. Честь рода лордов Хэгов оскорблена!

Старый лорд Чарльз Хэг никогда не посещал палату лордов: он считал, что законы выдуманы для жалких проходимцев из палаты общин, лордов же могут интересоваться лишь традициями рода. Презируя билли, лорд Чарльз Хэг уважал скачки. На гербе лордов Хэгов имелся конский хвост: это предопределяло жизненное назначение каждого первенца в семье Хэгов.

У лорда Чарльза Хэга были великолепные конюшни. Но в 1924 году его постигли многие несчастья, напоминающие рассказ о библейском Иове: его надежда – жеребец Джимми – не взял приза дерби, кобыла Виктория сломала себе ногу, ее пришлось пристрелить, Маршал и Рио погибли от сапа. Лорд Чарльз Хэг поседел, помрачнел и, ввиду соображений финансового порядка, отказался от пасхального путешествия в Севилью.

Тогда его супруга (кроме жеребцов и кобыл, у лорда Чарльза Хэга имелась супруга), сидя у камина, перебирая старинными щипцами угасающие угли и нюхая вянувший цветок гелиотропа, прошептала:

– Но у нас есть Мери!

Это вполне соответствовало действительности, – кроме жеребцов, кобыл и супруги, у лорда Чарльза Хэга была дочь, которую звали Мери. Разумеется, упомянув о дочери, благородная леди отнюдь не думала, что красавица Мери может заменить на ближайших скачках усопшую кобылу Викторию. Нет, она глядела глубже в таинственную книгу судеб. На левой странице значились долги лорда Хэга, на правой – капиталы богатого иностранца, который вчера у сэра Эдуарда Карсейля танцевал с Мери кау-трот, в течение трех минут глядя прекрасными глазами истукана на восковую дочь лорда. Правая страница книги судеб столь взволновала леди, что она решилась произнести свою историческую фразу.

– Дорогая, вы забываете о чести рода Хэгов, – негодуяще ответил лорд и стал преданно глядеть на потолок, где красовался герб с конским хвостом.

Впрочем, негодование лорда длилось недолго: три дня спустя, глядя, как дочь Мери танцует файв-степ с далеко не знатным женихом, он лишь кротко вздыхал про себя:

– Чарльз, вы начинаете забывать о хвосте!..

Нам трудно разобраться в причинах, побудивших Енса Боота сделать предложение дочери лорда Хэга, с которой он лишь раз в течение трех минут танцевал кау-трот, не обмолвившись при этом ни единым словом. Вероятно, коснувшись ее теплой, беззащитной руки, он почувствовал нечто, навсегда глубоко волновавшее его. Это было родственным печальной матовости мадемуазель Люси Фламенго, теплоте римских фонтанов и конфузливой нежности шведских шхер, согретых северным солнцем. Европейские поэты склонны были называть подобные состояния «любовью», мы же определим их скорее как «чувство Европы».

Енс Боот сделал предложение и получил благосклонный ответ. Венчание было назначено на 12 июня и должно было состояться в родовом поместье лордов Хэгов, находившемся в двадцати милях от Эдинбурга.

В торжественный день старый замок блистал сотнями родовых хвостов. Они глядели со стен и с потолков, с тяжелых гобеленов и с тончайших стекол. В огромном зале леденели хрустальные бокалы, на которых инеем были выведены все те же хвосты. Благородная леди лично руководила приготовлением брачного ложа для молодых, и услужливо прикрытые подушки ласково мигали геральдическими хвостами. А на конюшне особый конский парикмахер Джим расчесывал хвосты жеребцов и кобыл.

Все были в сборе, не было только Енса Боота. Его ждали к одиннадцати часам утра. Часы и на башне, и на браслетке прекрасной Мери уже показывали четыре пополудни. Пастор, как нетерпеливый рысак, фыркал и переступал с ноги на ногу.

Прошло еще шесть часов, наступила ночь. Но, увы, она не стала для Мери первой ночью. Леди прикрыла наспех подушки, чтобы они не издевались над нею. Слуги убрали хрусталь, и он погребально звенел. Умело переделав свои лица из свадебных на похоронные, гости разъехались, причем сэр Эдуард Карсейль тихо сказал своей супруге:

– Не только время – деньги, но и деньги – время.

Супруга, не поняв подобного глубокомыслия, уныло вздохнула.

Замок опустел. По бледному лицу Мери пробежала длинная слезинка. В огромном зале, глядя на сотни хвостов, лорд Чарльз Хэг сказал:

– Честь рода Хэгов оскорблена!

В общем он был прав.

8. Тяжелое расставание

В тот же день, часов в одиннадцать утра, перед вывеской кабачка «Улыбка кафра» остановился высокий человек в макинтоше. Так как дело было в Глазгове, на зазевавшегося прохожего падал сверху извечный серый дождик, смешанный с копотью. Человек вошел в кабачок и спросил стакан виски.

Уронив голову на руки, он долго сидел в крайне неопределенном состоянии. Кабачок «Улыбка кафра» находился в порту, и заходившие матросы, грузчики, девки с любопытством оглядывали молчаливого гостя.

Наконец чудаковатый клиент зевнул. Сделал он это столь неожиданно и громко, что хозяйка вздрогнула, как от слишком пронзительной сирены. Зевок, очевидно, являлся внешним выявлением какого-то решения, потому что посетитель сразу оживился и крикнул служанке:

– Еще виски! Два листа почтовой бумаги! Одну открытку с цветами! Затем он приступил к работе.

«Управляющему делами Енса Боота
господину Альфреду Ногейну в Амстердам.
Глазгов, 12 июня 1926 года.

Дорогой господин Ногейн!

Настоящим извещаю Вас, что я решил ликвидировать все свои дела и стать кафром.

Так как для собирания страусовых яиц и пр. не требуется никаких капиталов, я высылаю Вам одновременно с этим письмом нотариальное завещание, вскрыв которое, Вы увидите, что я делаю Вас наследником всего моего состояния, включая незабвенную лиловую пижаму.

Будьте здоровы.

Искренне Вам преданный Енс Боот.

Очень рекомендую Вам жениться на мисс Хэг, адрес на обороте».

«Лорду Чарльзу Хэгу, Замок Айэи, близ Эдинбурга.

Достопочтенный лорд! Я прошу Вас простить меня, что я опоздал к часу торжественной церемонии. Я прошу Вас также передать Вашим высокоуважаемым супруге и дочери мои искренние извинения и соболезнования по поводу причиненных хлопот и пр. В свое оправдание скажу лишь, что с сегодняшнего числа я утратил всякие права на мое имущество, как движимое, так и недвижимое, и поэтому не мог осмелиться сделать Вашу дочь подружкой жизни злосчастного горемыки.

Надеюсь, что Вы не откажетесь передать моей исчезающей мечте, то есть Вашей остающейся при Вас дочери, что три минуты, когда я танцевал с нею кау-трот, будут мне памятны до последнего вздоха.

Примите, дорогой лорд Хэг, мои уверения в совершенном к Вам почтении.

Е. Боот».

На открытку с анютиными глазками, которую служанка после долгих колебаний купила в соседней лавчонке, Енс Боот прежде всего поставил кляксу от слишком тщательного обдумывания краткого текста.

«12.06.1926.

Я покидаю Европу. Это примерно все, что я Вам хочу сказать.

Прекрасная финикийка, я не сумел быть ни Юпитером, ни быком.

Я в мрачном настроении и пью виски.

Желаю Вам и Вашему уважаемому супругу хорошей погоды и т. п.

Кабачок “Улыбка кафра”.

Енс Боот.

Мадам Люси Бланкафар (урожд. Фламенго) 26, рю де Шерш-Миди Париж».

Закончив эти литературные упражнения, Енс Боот отправился осматривать пароход. Он легко разыскал «Романик», который отбывал в Восточную Африку. Он готов был сесть на него.

Но принц Монакский, находясь в доме гостеприимной голландки, думал о крупной игре. Несмотря на тридцать два года действительной жизни и на достаточно выразительный зевок в кабачке «Улыбка кафра», Енс Боот был преисполнен сил и порывов. Причем мы уже говорили, что великие идеи бродили в нем.

«Может быть, попробовать стать Юпитером или быком?» – подумал он, улыбнулся и отошел от сходней «Романик».

Это однако, но означало намерения поехать к мадам Люси Бланкафар на улице Шерш-Миди и произвести в ее квартире некоторый переполох. Нет, для другой игры и для другого переполоха был рожден Енс Боот! Час спустя он уже находился среди палубных пассажиров роскошного парохода «Мавритания», который шел в Нью-Йорк.

В 10 часов вечера, когда лорд Чарльз Хэг был в огромном зале, «Мавритания» отчалила от берегов Европы.

Енс Боот стоял на корме. Среди туманов поздних июльских сумерек еще горели рыжие волосы Европы. Енс вспомнил все – и запах подмосковных лугов, и вековой лак парижской площади Конкорд.

Ему было невыносимо тяжело, и, расставаясь со своей истинной любовницей, с Европой, великий авантюрист сначала послал ей воздушный поцелуй, а потом сел на куль с перцем, поднял воротник пальто, зарылся в темноту и, по всей вероятности, заплакал.

9. Превосходная бритва за двадцать центов!

Плакал или не плакал Енс Боот, сидя в темноте на куле с перцем, установить невозможно. Во всяком случае, если он и пролил на навощенную палубу несколько горьких слез, то этим ограничилось его сентиментальное отчаяние, – из всех человеческих занятий оплакивание было наименее свойственным Енсу Бооту.

Хорошо выспавшись, утром он восстановил в памяти события вчерашнего дня и освидетельствовал себя. Выяснилось, что он едет в Америку с билетом третьего класса, со ста сорока долларами, без багажа и без воспоминаний. Это развеселило Енса Боота, и он не стал раздумывать, зачем он променял жизнь миллиардера на мытарства безработного эмигранта в трущобах Нью-Йорка или Чикаго, и что он будет делать в Новом Свете. Енс Боот крепко верил, что философствовать могут лишь монахи, изготавливающие ликер бенедиктин, или российские интеллигенты, на привилегии которых профаны не должны посягать.

Енс Боот ел бутерброд с ростбифом и ни о чем не думал.

По заезженному древнему пути неслась огромная рыба, густо нафаршированная людьми. Кругом была, разумеется, вода. Все располагало к поэзии. Но здоровая любознательность проснулась в Енсе Бооте, и он, с отменной ловкостью умеющего складываться в шестнадцать раз, обследовал «Мавританию». Три четверти парохода занимали почтенные американцы с семьями, ездившие в дряхлую Европу для полезной желудку меланхолии, как ездили, по преданию, европейцы XIX столетия в мертвые города, в Венецию или в Брюгге. Богатых было немного, но они любили простор, и поэтому сто сорок восемь пассажиров, обладавших капиталом в 12 000 000 000 долларов, занимали три четверти парохода. На четырех палубах они танцевали кау-трот, катались, сидя в корзиночках с парусами, аплодировали дамскому боксу и стреляли в прирученных колибри. Нижняя палуба была обращена в каток, и, несмотря на зной июльского солнца, дочери и сыновья миллионеров, в пурпуровых и изумрудных штанах, лихо носились по звонкому льду. На верхней палубе цвели сицилийские апельсины и бразильские орхидеи. В каютах играли оркестры малайцев, яванцев, либерийских негров и нижегородских балалаечников.

Дипломатические лакеи разносили утренние коктейли.

Глотая ледяные смеси, миллионеры поглядывали на восток и ухмылялись. Они вспоминали некоторые аттракционы умирающей Европы: расторопность французенок, чувствительность семейных немков и мистический темперамент русских аристократок, всех равно готовых к услугам за несколько долларов, завалявшихся в жилетном кармане.

Немецкий экспрессионизм – один из источников вдохновения для Эренбурга

Туда же, то есть на восток, взирали с благодарностью супруги миллионеров: они везли в поместительных кофрах смиренную дань Европы – платья, обдуманые консилиумами лучших парижских художников, фарфоровые сервизы различных низложенных династий, тяжелые ожерелья и кольца князей, графинь и баронесс, кротко проводящих дни в очередях всех европейских ломбардов.

И наконец, мечтательные дочери миллионеров, с шеями жирафов и со ступнями слонов, обращали студни своих глаз к исчезнувшим берегам, где имеются Венеры Милосские, римские ладзарони и прочие достопримечательности, тщательно зарисованные на страницах великолепных замшевых альбомов.

Сто сорок восемь пассажиров первого класса, нежась на утреннем солнце, невольно поворачивались к умирающей Европе.

На другом конце парохода находились пять тысяч шестьсот семьдесят пассажиров третьего класса. Им было, конечно, тесно, но ведь у пяти тысяч шестисот семидесяти человек, взятых вместе, не было и ста тысяч долларов, а один пассажир первого класса, стальной король, мистер Джебс, заплатил за проезд в каюте, отделанной в мавританском стиле, сто пятьдесят тысяч долларов. Пять тысяч шестьсот семьдесят человек могли легко потесниться. Это были далее не граждане США, а презренные эмигранты: ирландцы, польские евреи, итальянцы, немцы, убегавшие куда глаза глядят от десяти лет голода и войны. Они давно разучились роптать или надеяться.

Пароходная компания «Синяя звезда» заботилась обо всех пассажирах, даже об этом сброде. Пять тысяч шестьсот семьдесят человек сидели чинно на чисто выкрашенных скамьях

и ели питательный суп из алюминиевых чашек, цепочками прикрепленных к столам. Время от времени специальные санитары обрызгивали их из гигантских пульверизаторов карболом и йодоформом. Пять тысяч шестьсот семьдесят человек тупо глядели на запад, где должна была родиться в зеленом мареве моря новая земля, трудная и злая, как все земли Земли.

Только грудные младенцы, не понимая 116 параграфа правил, изредка начинали кричать, но им быстро зажимали рты механическими ротодержателями.

Между первым и третьим классами находилась граница – столб с надписью:

«ВХОД ПАССАЖИРАМ ТРЕТЬЕГО КЛАССА ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

За исполнением приказа следили четыре негра в оранжевых мундирах. Но Енс Боот, гордость цирка Медрано, легко прополз ужом мимо четырех негров. Очутившись в просторных помещениях первого класса, он не испытал никакого желания вернуться на скамью, где и без него обретались пять тысяч шестьсот шестьдесят девять человек. Дружески поговорив с заведующим ваннами и парикмахерскими, он вспомнил одно из своих былых ремесел и час спустя стал главным массажистом «Мавритании».

В 10 часов утра в нижних помещениях началась необыкновенная суматоха: стальной король, мистер Джебс, принимал ванну. Мистер Джебс ценил свое время, и поэтому в большую ванную комнату, примыкавшую к мавританской каюте, собралось пять мастеров. Мистер Джебс гордо лег на циновку.

Одновременно парикмахер начал брить его, маникюрщик – обрезать ногти на руках, педикюрщик – на ногах, второй парикмахер – обливать голову хинной настойкой, а Енс Боот – растирать круглый, тугой живот. Мистер Джебс, предоставив свое тело людям, в эти четверть часа душой, свободной от всяких житейских дел, беседовал с богом.

Позади стояли подмастерья с духами, притираниями, щипчиками, мазями, лаком и прочими материалами. Сверкали серебром десятки кранов. Нежно булькала розовая вода в море ванны, и не менее розовая, не менее благоуханная душа мистера Джебса парила высоко в небесах.

Это было как бы четырехэтажным зданием. Внизу голый, густо фиолетовый мистер Джебс. Над ним лакеи, готовящие ему плотный завтрак, и скрипачи, репетирующие для него любимое поурри из «Травиаты». Еще выше радиостанция «Мавритании», отправляющая телеграмму в Питтсбург супруге мистера Джебса:

«Спал хорошо. Аппетит прекрасный. Европа – вздор. Приеду в среду в 12 часов 47 минут».

А надо всем этим розовая бабочка – освобожденная от плоти душа.

Мастера и подмастерья, понимая величие этого здания, богомольно молчали. Вдруг раздался скрипучий голос самого мистера Джебса:

– Милейший, а это ведь превосходная бритва?

– Все, что есть лучшего, сэр!

– А сколько она стоит?

– Куплена в Гамбурге. Если перевести на наши деньги – двадцать центов, включая пошлину и пересылку.

Здесь произошло нечто невероятное. Живот, находившийся под пальцами Енса Боота, сразу неслыханно раздулся. Весь мистер Джебс окончательно побагровел.

– Содовой! – прохрипел он.

Выпив стакан воды, мистер Джебс несколько оправился и приказал перенести его в ванну. Енс Боот взял бедного короля стали и ласково окунул его в розовую водицу.

– Двадцать центов! – шептал мистер Джебс. – А у нас четыре доллара. Ну да, понятно...

В 1920 году – девяносто центов.

В 1923 году – пятьдесят центов.

Теперь – двадцать центов. А покупать они ничего не покупают. Сифилитики из «Травиаты»! Нет, единственный выход – уничтожить Европу!..

Да, разворачивая свиток истории человечества, мы можем воскликнуть: сколько случайностей!

1. Енс Боот легко мог бы остаться с пятью тысячами шестьюстами шестьдесятью девятью пассажирами третьего класса и не массировать 19 июля 1926 года живота мистера Джебса.

2. Парикмахер мог бы брить мистера Джебса американской бритвой.

3. Мистер Джебс, беседуя с богом, мог бы не удостоить беседой парикмахера.

И т. д.

Но непоправимое случилось. Енс Боот теперь твердо знал, зачем он едет в Америку.

10. «Час изобретений»

Скинув пиджак, с засученными рукавами, с огромной манильской сигарой в желтых конских зубах, мистер Джебс ходил по кабинету. Время от времени он поворачивался к двери с маленьким оконцем, в которое просовывались различные более или менее гениальные головы... Это был так называемый «час изобретений». Раз в неделю, по четвергам, с четырех до пяти мистер Джебс выслушивал предложения всех изобретателей. Каждому желающему предоставлялась одна минута, чтобы изложить главные черты своего изобретения. Если предложение казалось королю стали полезным для его многочисленных предприятий, он отсылал изобретателя в ту или иную из своих лабораторий. Один час в неделю, уходивший на прием шестидесяти посетителей, окупался с лихвой, в среднем не менее пяти процентов предложений покупались и патентовались мистером Джебсом.

– Я номер шестнадцатый, – раздался голос сквозь оконце. – Я предлагаю магнитно-фугальные орудия. Тяжелые снаряды на расстоянии до тысячи километров. Построены на принципе электромагнитных волн. Сталь, выдерживающая молекулярное напряжение.

– С тысяча девятьсот двадцать пятого года готовится на заводе номер шесть. Опоздали. Следующий!

– Семнадцатый. Предлагаю рекламировать изделия треста с помощью дуговых ламп. Звуковые волны передаются микрофоном. В Нью-Йорке по моему плану двадцать тысяч дуговых ламп ежевечерне одновременно восхваляют вашу фирму.

– Хорошо. Обратитесь к мистеру Тайгену, заведующему отделом рекламы. Следующий.

– Номер восемнадцатый. Предлагаю использовать магнитные бури на Аляске. Я изобрел прибор, улавливающий разные потенциалы.

– Хорошо. В лабораторию сорок седьмую с трех до четырех по понедельникам. Следующий.

– Смерть паровой машине! Смерть паровой турбине! Я изобрел электрический элемент с отрицательным электродом из угля. Полная революция в индустрии!

– Вздор! Принимайте холодные души.

Мистер Джебс так был возмущен диким цинизмом сумасброда, что даже забыл произвести «следующий» и потерял две минуты исключительно на негодование и на обглаживание окурка манильской сигары. Заметив эту потерю, он позвонил, и в оконце тотчас же показалась голова двадцатого изобретателя.

– Предлагаю уничтожить Европу.

Мистер Джебс от неожиданности присел на вращающийся табурет и закружился на нем. Но номер двадцатый с отменным спокойствием продолжал:

– Организация треста. Капитал двадцать миллиардов долларов. Вы вносите треть. Я нахожу еще двух компаньонов. Я – директор. Полная гарантия тайны.

– Вы сумасшедший или анархист? – спросил его наконец мистер Джебс, остановив свой табурет.

– Отнюдь нет. Моя минута кончилась. Но если вы дадите мне еще три минуты, я посвящу вас в суть моего плана. Он вполне осуществим.

Чуть поколебавшись, мистер Джебс подошел к внутреннему телефону и сказал секретарю:

– Вызвать изобретателя номер двадцать в мой кабинет. Прием остальных, от двадцать первого до шестидесятого, перенести на следующий четверг. Ко мне не звонить.

В кабинет вошел Енс Боот. Он походил на нищего: опустившийся, грязный, давно не бритый, с клочками рубашки, вылезавшими из-под мышек, в порванных штиблетах, из которых любознательно выглядывали голые пальцы. Кто бы мог узнать в нем миллиардера, жениха

дочери лорда Хэга, три месяца тому назад лучше всех танцевавшего кау-трот на парижских балах? Костюм Енса Боота был отнюдь не маскарадным. Приехав десять недель тому назад в Нью-Йорк со ста сорока долларами, он не пошел ни в цирк, ни в парикмахерскую. Сняв номер в небольшой гостинице, он купил себе маленькую тетрадь в клеенчатой обложке и стал покрывать ее какими-то записями, объявив хозяйке, что он лирический поэт и пишет элегии на мифологические темы, предпочтительно о любовных трансформациях богов. Услышав это, хозяйка удвоила цену на комнату, так что сто сорок долларов с редкой быстротой переключались в ящик ее комода. Енс Боот перебрался тогда в Ист-Сайд и, предав старьевщику-еврею свою одежду за десять долларов, приобрел у него же за два доллара живописные лохмотья, в которых ему пришлось предстать перед озадаченным мистером Джебсом. Семь недель Енс Боот бедствовал, питаясь кукурузными лепешками и ночуя на полу в бесплатных ночлежках «Армии спасения». Но он упорно не желал взяться за какую-либо работу, днем и ночью на скамейках скверов или вокзалов предаваясь все тому же таинственному занятию, которое, по его словам, являлось лирической поэзией.

Когда же прошло два месяца, и клеенчатая тетрадь была исписана, Енс Боот, срезав у какого-то зазевавшегося мистера массивные золотые часы (впрочем, оказавшиеся лишь серебряными, то есть позолоченными), купил билет до Питтсбурга и под номером двадцатым явился к мистеру Джебсу в «час изобретений».

Войдя в кабинет мистера Джебса, Енс Боот прежде всего подошел к письменному столу, взял мантильскую сигару, закурил ее и сел в покойное кресло, положив ногу на ногу, ничуть не смущаясь при этом любознательностью своих пальцев, выглядывавших из штиблет.

Потом он вынул клеенчатую тетрадку и протянул ее мистеру Джебсу.

На первой странице аккуратным почерком школьника было выведено: «План организации треста гибели Европы».

На следующих были отнюдь не элегии, но таблицы, чертежи и сжатое резюме различных планов. Десять недель не прошли даром.

До 11 часов вечера мистер Джебс просидел в кабинете с Енсом Боотом, изучая двадцать четыре страницы тетради.

А в 11 часов он кратко спросил:

– Когда?

– Начнем в двадцать седьмом. Кончим к сороковому.

– Сколько?

– Ваша треть. Всего около двадцати миллиардов долларов основного.

Мистер Джебс вынул чековую книжку. У Енса Боота не было ни одного целого кармана, чтобы спрятать чек.

На следующее утро он прежде всего поехал в универсальный магазин и приобрел комплект вещей, необходимых для делового человека, начиная от штанов и кончая электрическим аппаратом, убивающим вора, попытавшегося похитить бумажник.

Услужливый приказчик среди прочего предложил ему лиловую пижаму. Но Енс Боот отказался.

«Пижамы осталась в Европе», – подумал он с известной долей меланхолии. Пижамы и мадам Люси Бланкафар, урожденная мадемуазель Фламенго. Впрочем, теперь они обе погибли. Остановка еще за двумя компаньонами.

11. В разумном предвидении свадебного путешествия

Две недели спустя Энс Боот зашел в нью-йоркскую контору «Кука и сына», чтобы справиться о маршруте мексиканского экспресса. Его внимание сразу привлек высокий меланхолический юноша, которого тщетно пытались оживить трое служащих.

Получив письменную справку касательно своего поезда, Энс Боот тихонько кинул листок в корзину. Дело в том, что он отнюдь не собирался ехать в Мексику, а просто заходил в самые разнообразные учреждения и места, как-то: банки, бани, кондитерские, правления трестов и пр. – с некоторыми скромными, но не совсем ясными намерениями.

Итак, выкинув справку, Энс Боот подошел к меланхолическому юноше.

– Небольшое путешествие в живописную пустыню? – как граммофон выкрикивал служащий. – Что ж, это очень легко. Вы выезжаете в среду в одиннадцать из Нью-Йорка, в понедельник в пять пополудни прибываете в Танжер, там ужинаете, в восемь часов двадцать отходит сахарский экспресс. На следующее утро, девять часов сорок, Оаз-Бэн, самый лучший курорт в пустыне. Все развлечения: катанье на верблюдах, арабские танцы, носочный спорт и прочее, комнаты по купонам «Кука и сына». Оттуда в среду десять...

– Нет, не подходит, – вздохнул юноша, и меланхоличность его глаз удвоилась. – Я хочу настоящую пустыню без людей.

Другой служащий, вытащив толстый том путеводителя, затрепал:

– Превосходно – пустыня Гоби. На самолете. Вы вылетаете в пятницу утром. Ночевка в Токио. В субботу в восемь часов вечера прилетаете в Хентшбад – в центре Гоби. Очень мало людей. Никаких частных домов или пансионатов. Пять гостиниц, все «Кука и сына». Великолепный вид. Окна на песок. Оттуда...

– Не то, – еще оглушительней вздохнул юноша и снял при этом пиджак, ибо в комнате было почти так же жарко, как в Сахаре. Его примеру с нескрываемым сладострастием последовали три отчаявшихся служащих, причем третий, самый толстый и потный, сказал:

– Мало людей еще в горах. Советую вам Гималаи. Прекрасный климат. Прохладно. Все врачи рекомендуют при нервных заболеваниях. В зубчатой железной дороге на Эверест. Спальные вагоны. Плацкарты выдаем здесь. На верхушке наша гостиница «Шпиз земли». Шестьсот салонов с ванными. Вы уезжаете...

– Нет, вы ошибаетесь. Я именно не уезжаю. Я не стал бы беспокоиться для того, чтобы увидеть еще одну гостиницу «Кука и сына». Жизнь становится абсолютно несносной – любознательному американцу некуда ехать!

С этими словами меланхолический юноша отошел от прилавка и, надев героически пиджак, направился к двери. Его остановил Энс Боот.

– Два слова. Совершенно с вами согласен. Могу помочь. Придется только несколько отложить поездку. Например, через пять лет...

– Что ж, это не так плохо. Я решил через пять лет жениться. Свадебное путешествие.

– А куда?

– В среднеевропейскую пустыню.

– Вы смеетесь надо мной! Осматривать Колизей? Нет, для этого Вильямс Хардайль слишком уважает себя.

– Вы меня не поняли, дорогой мистер Хардайль. Через пять лет вы сможете поехать с молодой и очаровательной супругой в настоящую пустыню – приблизительно около пятисот тысяч квадратных километров, полное отсутствие гостиниц как «Кука и сына», так и других. А к тысяча девятьсот сороковому году я предложил бы вам подготовиться к большому путешествию по огромной европейской пустыне – около пятнадцати миллионов квадратных километров.

– Послушайте, – раздраженно ответил Вильямс Хардайль, – если это шутки, то вряд ли уместные. Я абсолютно не интересуюсь политикой, и ваши сатирические аллегории...

– Отнюдь не аллегории, практическое предложение, достойное стен уважаемых мистеров Кука и сына Кука.

Кратко, ввиду высокой температуры августовского дня, Енс Боот посвятил юношу в свои планы.

– Семь миллиардов, зато настоящее путешествие в пустыню.

И так как Вильяме Хардайль был сыном короля нефти, то он мог позволить себе небольшую роскошь забавного свадебного путешествия.

У Енса Боота теперь уже были не только одиннадцать карманов, но и электрический хранитель бумажника. Поэтому он без всяких затруднений взял чек нефтяного престолонаследника.

– Только постарайтесь, чтобы было попустынной, – попросил мистер Хардайль, трогательно сжимая руку остроумнейшего из всех Куков мира.

12. Но что «но»?

Семнадцатого октября 1926 года в небольшом, но фешенебельном клубе чикагских миллионеров-мормонов мистер Твайвт, первый завтрак которого был нами описан в начале нашей исторической работы, читал свой прославленный доклад «Размножайтесь разумно».

Так как членами клуба являлись лица не моложе пятидесяти лет, то каждому понятно, что к докладу они проявляли бескорыстный, чисто теоретический интерес.

Впрочем, среди слушателей находился один гость, которому на вид было лет тридцать, но и он, зевая, подчеркивал нечто в своем блокноте, будучи явно не склонен к размножению, хотя бы и разумному.

Доклад имел шумный и, скажем от себя, вполне заслуженный успех. Кончив читать, мистер Твайвт вытер лоб фуляровым платком, попросил стакан воды и сел в темный угол, скрываясь от наглых ласк всемирной славы.

Там его нашел молодой гость, переставший к этому времени зевать. Энергично схватив мягкую руку мистера Твайвта, он закричал:

– Великолепные идеи! История не знала подобного филантропа! При жизни памятник! Семена ваших слов падут на хорошую почву! Во всех штатах через десять-двадцать лет приступят к разумному размножению, но...

Здесь голос гостя покрылся налетом истинной скорби, в нем как бы слышались затаенные слезы.

– Но что «но»? – взволнованно спросил мистер Твайвт.

– Но вы забыли об одном большом континенте.

– Вы ошибаетесь, я обдумал план использования Африки.

Строго контролируя зачатия, мы можем в течение ста лет создать несколько удачных пород ломовых лошадей: человек-грузчик, человек-возчик, человек-лакей и другие, по желанию. У грузчиков развитие грузоподъемности – десять лошадиных сил, крохотная голова, кретинизм, полное послушание, растительная пища. У лакеев особо развитые руки-крючки, атрофия языка, отсутствие половой возбудимости и т. д. Все это гораздо гуманнее роботов, о которых сообщала недавно «Чикагская трибуна», и достигает той же цели. Главное – приучить наших рабочих к христианскому смирению. Импорт ста тысяч ломовых людей окончательно уничтожит социализм.

– Воистину вы гениальны, мистер Твайвт, – взволнованно воскликнул гость. – Кроме прижизненного памятника, надо требовать от сената ста стипендий, триумфальную арку и переименования целого штата. «Штат Твайвт» – это звучит хорошо. Но... но все же, но...

– Но? Но что «но»?

– Но вы забыли о Европе.

– Да, пожалуй, вы правы, молодой человек. Молодой, сказал я, молодой, но рассудительный. Это скверная часть света. Она не покупает моих всемирно известных мясных консервов, и потом вообще...

– Вот именно, мистер Твайвт, вообще: Европа противится разумному размножению. Послушайте меня.

I. Они вообще уклоняются от всякого размножения. Возьмем хотя бы Францию.

В 1910 году рождаемость ниже смертности – 0,2.

В 1925 году – 4,6.

II. Размножаясь хаотично и случайно, главным образом в итоге каких-то нервических состояний, по ту сторону океана именуемых «любовью», они не только не создают нужных пород, но и выводят опасных бездельников. Достаточно сказать, что к тысяча девятьсот двадцать шестому году в Европе было:

Поэтов, художников, литераторов, артистов и прочих тунеядцев – 2%.

Солдат – 16%.

Рантье – 4%.

Нищих – 6%.

Монахов (католических и православных) – 0,5%.

Монархов, свиты и пр. 0,3%.

Итого: 28,8% абсолютно ни на что не годных людей.

III. Самое важное! Единственное, что европейцы разводят с известной последовательностью, это членов различных преступных сообществ, как то: социалисты, анархисты и прочие негодяи.

В 1890 году в Европе было 3,8% такого рода злоумышленников.

В 1922 году в Европе было 9,01% такого рода злоумышленников.

В 1925 году в Европе было 18,3% такого рода злоумышленников.

Из любых ста европейцев восемнадцать и одна треть – революционеры, то есть бандиты, то есть люди, так или иначе отрицающие собственность. Что же вы скажете на это, любезный мистер Твайвт?

– Я скажу... я скажу...

Но мистер Твайвт ничего не мог сказать. Его младенческие глазки покрылись светлой испариной. Его сердце истекало кровью. Он патетически молчал.

Тогда его собеседник нашел нужные слова.

– Вы хотели сказать, любезный мистер Твайвт, что в таком случае необходимо уничтожить Европу.

Да, именно это мистер Твайвт хотел сказать, и вместе с тем он никак не мог сказать именно этого. Дикие цифры мелькали перед его глазами. О, шалопаи! Они не только не покупают свиного филе, они к тому же плодят бунтарей. На сто – восемнадцать и одна треть негодяев. Треть почему-то особенно возмущала мистера Твайвта. Он понимал, что надо решиться.

Наконец раздался его задушевный голос:

– Вы правы, но...

– Но что «но»?

– Но я ведь вегетарианец!

И, промолвив это, почтенный владелец лучшей в мире фабрики мясных консервов разрылся ниагарами прохладных слез, орошавших его круглый, уютный живот.

– Вы обладаете не только светлым умом и лучшей в мире фабрикой мясных консервов, но и благородным сердцем, – деликатно заметил гость клуба мормонов. – Это трижды благородное сердце должно подсказать вам решение. Ваше вегетарианство, ваши высокие гуманные идеи обязывают вас ко многому. Европа утопает в пороках, лени и смутах. Если мы обратим ее в пустыню, это будет актом высокого человеколюбия. Триста миллионов, читая в последний раз «Отче наш», поблагодарят нас. А потом... Потом мы откроем Европу! Заселим ее колонистами, хотя бы из той же Африки, и начнем выводить новые полезные породы людей, используя благоприятный, умеренный климат.

Мистер Твайвт продолжал обливаться слезами, произнося только:

– Но, но...

Тогда настойчивый прозелит пустил в ход последний довод:

– Наконец, если мы не сделаем этого, Европа заразит Америку. Восемнадцать и одна треть процента станут через пять лет восьмьюдесятью процентами. Вспомните Россию, Германию, Австрию. Представьте себе нечто вроде СССР.

При этих словах мистер Твайвт вскочил и, вместо ниагары слез, разрылся гейзером бешеной слюны.

– Да, да! – кричал он. – Я согласен! Необходимо уничтожить! Завтра! Сейчас же!..

И вдруг в изнеможении снова упал на диван.

– Уничтожить. Но...

– Но что «но»?

– Но как это сделать?

– Об этом не беспокойтесь. Семь миллиардов. Вы третий компаньон.

Енс Боот (предприимчивый гость клуба мормонов, как это понимает всякий, не мог быть ни кем иным, как Енсом Боотом), выйдя на улицу, с некоторым удовлетворением пощупал бумажник, где хранился симпатичный чек.

Предварительные хлопоты были закончены. Он теперь мог приступить к работе.

Енс Боот с жадностью вдохнул апрельский воздух. Но воздух этот был особого порядка: Чикаго густо дышал на него свиной и бычьей кровью. Этот запах, приторный и неотвязный, как бы напоминал Енсу Бооту о его новой профессии.

– Что ж, устраним триста пять миллионов человек, – сказал он сам себе. – Но...

– Но что же «но»?

И он невольно вспомнил европейские весны, застенчивые и нежные, комнатные весны, растерянность колоколов, светлую зелень норвежских берез или авиньонских тополей, дымчатую тишину городов, где каждый шаг влюбленного, бредущего со свидания под газовыми звездами, твердит:

– И жаль... И жаль...

Откровенно говоря, жаль. Чего? Ста веков? Влюбленного? Ацетиленовый фонарь? Историю? Девушку, оставленную там у глупого узкого окна и сжимающую в руке все сто веков, настоящее древнее тепло Европы? Ее? То есть мадемуазель Люси Фламенго, ныне мадам Бланкафар? Кого-то, безусловно, жаль...

Так думал Енс Боот возле клуба мормонов, вдыхая кровавой дух Чикаго.

– Я ее уничтожу... Но все же я ее люблю! Европу!

13. Небольшое аналитическое отступление

Дойдя до этого места, любознательные школьники заерзают на партах американских или австралийских училищ. Они, наверное, спросят своих уважаемых учителей:

– Почему же Енс Боот вздумал уничтожить Европу?

Коварнейший вопрос! Услышав его, не один уважаемый учитель покраснеет, вытрет табачного цвета платком нимбообразную лысину и гаркнет:

– Глупый мальчик! Это тебя не касается.

Увы, мы не можем в нашей серьезной работе уподобиться такому талантливому педагогу и должны попытаться ответить на вопрос, который, пожалуй, родится не только в милых детских головках, но и в солидных головах уважаемых читателей «Истории Треста Д. Е.».

Попытаться ответить, разумеется, еще не значит ответить.

Как бы ни была всемогуща наука, но и она порой отступает перед различными, еще не разгаданными тайнами человеческого сердца. Мы предпочитаем изложить здесь ряд гипотез, выдвинутых авторами, работавшими над историей гибели Европы, от себя добавив, что все они являются лишь гипотезами, ни для кого не обязательными.

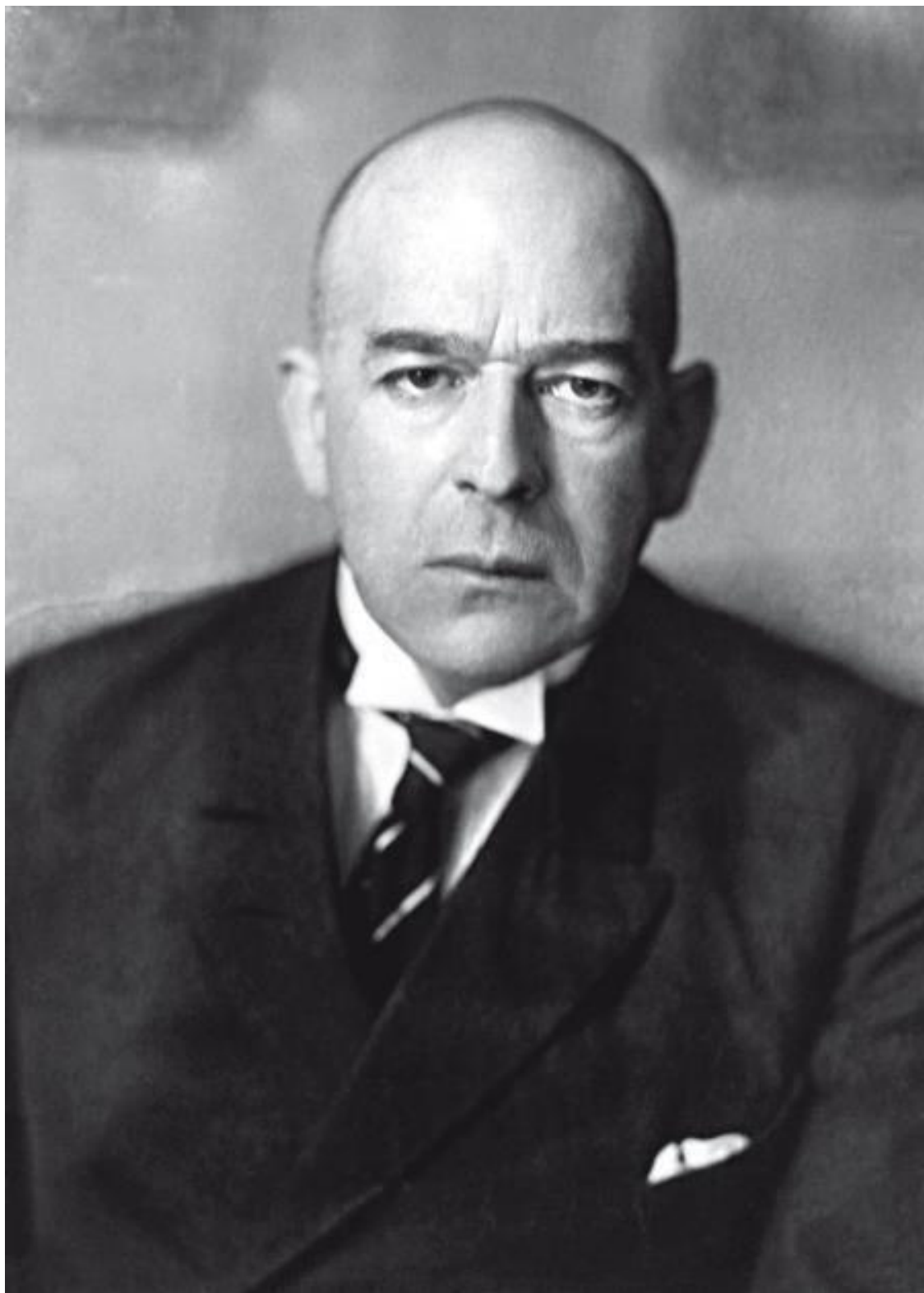
1. Профессор евгеники мистер Горль объясняет поступки Енса Боота наследственностью. Он особенно тщательно разбирает в своем известном труде «4 минуты принца Монакского» влияние настроения родителей во время зачатия на характер ребенка.

2. Маститый психолог мистер Чавтен приписывает деятельность Енса Боота особой болезни, называемой «авантюризмом», которая, по собранным им данным, носила в Европе 20-х годов XX века эпидемический характер.

3. Мисс Маргарет Оден полагает, что Енс Боот был просто неудачным влюбленным, и так как в одряхлевшей Европе половые эмоции занимали крайне видное место, – получив отказ от Люси Фламенго (впоследствии вступившей в законный брак с Бланкафаром), в приступе гнева решил уничтожить Европу.

4. Мистер Бэрдинг утверждает, что Енс Боот принадлежал к тайной секте анархистов «Туксук», историю которой он обещает опубликовать в недалеком будущем.

Мы не станем приводить доводов различных поверхностных авторов, в журнальных статьях щеголяющих хоть оригинальными, но явно вздорными теориями (так, например, некто мистер Виль недавно пытался доказать, что Енс Боот, брюкодержатели которого хранятся в историческом музее города Чикаго, вообще не существовал!). Изложив беспристрастно мнения четырех ученых, мы решимся, в свою очередь, привести и нашу гипотезу, отнюдь не претендуя на ее безошибочность.

Освальд Шпенглер

Мы полагаем, что Енс Боот организовал «Трест Д. Е.» и принял активное участие в деле уничтожения Европы лишь потому, что он был типичным европейцем своего времени.

Достаточно вспомнить его слезы на палубе «Мавритании» или вздохи у подъезда чикагского клуба мормонов, чтобы убедиться в его искренней и глубокой любви к Европе. Именно

вследствие этой любви, повинувшись темным инстинктам, он сделался директором упомянутого треста.

В Европе с конца XIX века появилось чувство особого «европейского» патриотизма. Люди различных стран, французы, датчане, немцы и даже некоторые русские, почувствовали себя детьми некоего большого отечества и полюбили его. Особенно сильно это чувство сказалось в период войны 1914–1918 годов.

В сыновнем восторге люди склонялись перед видением общего сада, увы, опадающего и полумертвого.

Это чувство не помешало европейцам сделать все зависящее от них для гибели Европы. Начиная с 1914 года войны не утихали. Европейцы тщательно истребляли друг друга. Любовавшиеся прекрасным садом трудолюбиво рубили деревья, топтали цветы, отравляли воду источников.

Европа была охвачена манией самоубийства. Не будет преувеличением, если мы скажем, что она сама себя убила. И верный ее сын, случайно явившийся на свет от рассеянности принца, гениальный Енс Боот, осуществил то, о чем помышляли миллионы европейцев 20-х и 30-х годов XX века – массовое самоубийство.

14. «Д. Е.»

Мы достаточно детально рассказали, какие усилия приложил неутомимый Енс Боот для организации «Треста Д. Е.».

Наконец 4 апреля 1927 года в отдельном кабинете первого класса нью-йоркского ресторана «Миссури» состоялось собрание правления. Кроме Енса Боота, присутствовали мистеры Джебс, Твайт и Хардайл. Собравшиеся беседовали о многом, главным образом о различных марках сигар.

Мистер Джебс предпочитал манильские, фабрики «Лопадос», марка «Роза дель Оро», Мадуро.

Мистер Хардайл предпочитал гаванские, фабрики «Ля Корона», марка «Ароматикос», Колорадо.

Мистер Твайт предпочитал суматрские, фабрики «Бэс и Ко», марка «Флор фина», Кларо.

Енс Боот предпочитал шоколадные.

Впрочем, выяснив достоинства всех сортов сигар, члены правления около четырех часов утра постановили:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.